

Носилов Константин Дмитриевич

На охоте

Очерки и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Дмитриевич Н.**
На охоте: Очерки и рассказы / Носилов Константин Дмитриевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 100 с.

ISBN 978-5-521-25715-7

ISBN 978-5-521-25715-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

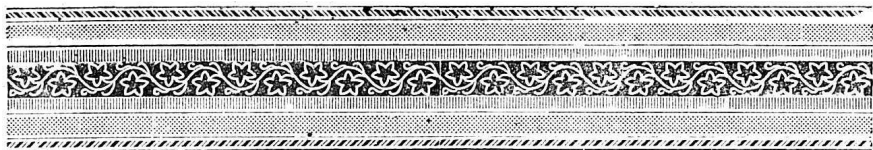
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. Галейко. Изъ жизни киргизовъ	1.
II. Пасха среди самсѣдовъ	16.
III. Дѣдушкины журавли	23.
IV. Дядя-кузнецъ	43.
V. Неудачный день.	62.

ГАЛЕЙКО.

(Изъ жизни киргизовъ).

ь маленькимъ киргизомъ Галейко я познакомился два года тому назадъ, когда путешествовать по киргизской степи лѣтомъ.

Не знаю, въ какой день это было, но хорошо, какъ сейчасъ, помню тотъ день, когда насъ судьба столкнула съ этимъ оригинальнымъ мальчикомъ. Какъ сейчасъ вижу: ѣдемъ мы по голой, зеленой степи; день жаркій, на синемъ небѣ—хоть бы одно облачко; солнечные лучи такъ и жгутъ горячую землю, и отъ нея, словно изъ печки, такъ на насъ и пышетъ жаръ, полный запаха травъ и цвѣтовъ, которые словно вотъ-вотъ загорятся на солнцѣ.

Мы ѣдемъ въ экипажѣ, запряженномъ парой лошадей; казакъ-кучеръ пересталъ не только пѣть свои заунывные пѣсни, но даже посвистывать и разговаривать съ лошадьми, какъ это онъ любилъ дѣлать въ другое время.

Остановиться негдѣ: всюду солнце, всюду жаръ, духота, голая степь, ни одного кустика, ни одного деревца. Но вдругъ ямицки проснулся, лошади прибавили шагу, мы бойко своротили съ проселочной дороги и поскакали въ сторону прямо по голой землѣ и травѣ.

— Что такое?—спрашиваю ямщика.

— Юрты показались, — отвѣтил онъ мнѣ и пустилъ лошадей вскачь, не смущаясь, что подъ нами не было и слѣда дороги.

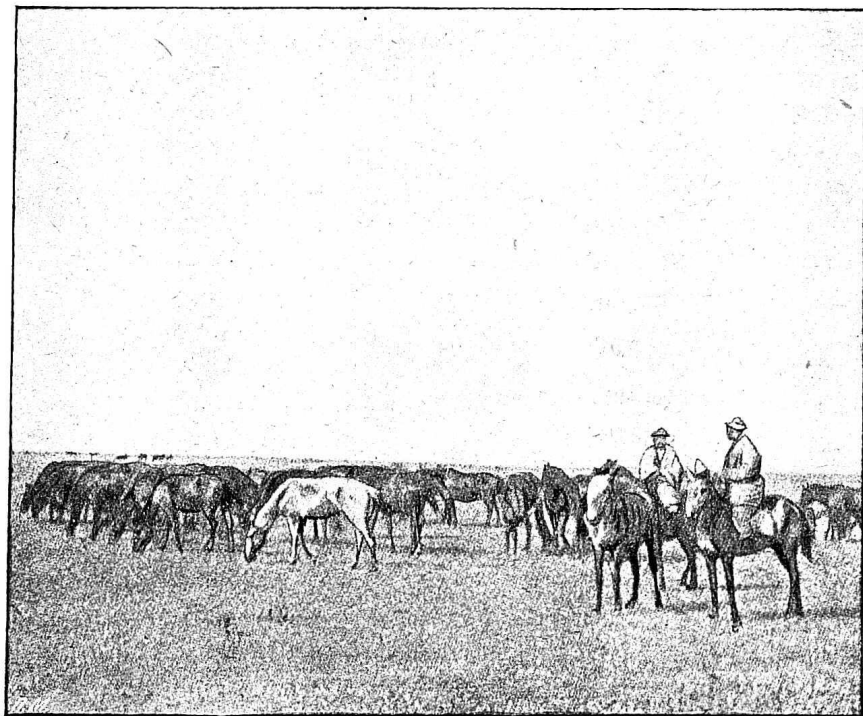
Я сталъ вглядываться въ горизонтъ, на которомъ переливался синими волнами, словно синее море, воздухъ, и только съ трудомъ замѣтилъ, что тамъ, дѣйствительно, что-то бѣлѣетъ маленькими точками.

Немного погодя, эти маленькія, бѣлыя точки обрисовались яснѣе; стало видно, что это—бѣлые куполы; потомъ около нихъ появились другіе, словно выросли изъ земли; потомъ ихъ стало много, и передъ нами, какъ лагерь солдатскихъ палатокъ, показалось стойбище киргизовъ съ двигающимися фигурами, привязанными лошадьми и блуждающимъ около рогатымъ скотомъ.

Не доѣзжая до стойбища, мы неожиданно въ одной долинкѣ, гдѣ росла болѣе сочная трава, встрѣтили табунъ киргизскихъ лошадей.

Ихъ было десятка три-четыре. Топція, некрупныя лошади спокойно паслись на зеленой травѣ, пощипывая ее своими бѣлыми зубами. Это былъ „косякъ“, какъ называютъ киргизы отборныхъ для продажи лошадей. Ихъ откармливали послѣ того, какъ онѣ нѣсколько похудѣли отъ жаровъ, а чтобы онѣ не разбѣжались по степи и не смѣшались снова съ другими стадами, ихъ зорко сторожили: два толстыхъ киргиза въ полосатыхъ халатахъ сидѣли постоянно въ сѣдлахъ. У того и у другого пастуховъ сбоку сѣдла была привязана длинная палка. Этой палкой они загоняютъ стада и ловятъ на всемъ скаку лошадей, и лошади прекрасно знаютъ это орудіе дикаря и повинуются малѣйшимъ его движеніямъ. Кромѣ того, въ рукахъ у нихъ по толстой нагайкѣ. Но главная сила ихъ—въ тѣхъ тощихъ, поджарыхъ лошадкахъ, на которыхъ они сидятъ и на которыхъ могутъ обскакать и загнать любую лошадь изъ стада.

Мы полюбовались косякомъ. Я сфотографировалъ живописную группу подъ этимъ голубымъ небомъ, на зеленомъ коврѣ травы, и мы снова пустились дальше, желая поскорѣе скрыться въ тѣнь отъ знойныхъ лучей солнца, которое жгло насъ съ самаго утра.

Но чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ стойбищу киргизовъ, тѣмъ больше попадалось намъ интереснаго. Послѣ голой степи насъ словно обхватывала кругомъ жизнь: то попадалось стадо быковъ, то стадо мохнатыхъ барановъ, и прежде, чѣмъ мы доѣхали до стойбища, которое оказалось на самомъ берегу громаднаго озера, мы проѣхали, по крайней мѣрѣ, мимо ты-

сiachъ головъ разнаго скота, начиная съ овецъ и кончая громадными верблюдами, которые важно встрѣчали и провожали насъ взоромъ, поднявъ свои спесивыя, гордыя головы на длинной, уродливой шеѣ.

Но вотъ и стойбище—юрты киргизовъ.

Вдоль берега озера стоятъ до десятка кибитокъ, всѣ съ бѣлыми кошечными конусами, всѣ круглыя, всѣ съ маленькимъ дымкомъ, который, тихо поднимаясь изъ ихъ вершинъ, показывалъ, что варится обѣдъ киргиза.

Стаи высокихъ, поджарыхъ псовъ выскочили на наши колокольчики; изъ юртъ выбѣжали дѣти, и прежде, чѣмъ мы успѣли остановиться у крайней юрты на берегу озера, около насъ уже была цѣлая толпа любопытныхъ всѣхъ возрастовъ. Всѣ смуглыя, въ полосатыхъ, свѣтлыхъ ситцевыхъ халатахъ, съ распахнутой грудью, съ черными, бойкими, любопытными глазами и всклокоченными волосами; женщины были покрыты шальями и просто бѣлыми покрывалами, отчего ихъ лица казались еще чернѣе. Но любопытнѣе всѣхъ были ребятишки. Они почти всѣ были только въ однихъ рубашонкахъ, но ихъ полное, загорѣлое тѣльце было такъ красиво, ихъ руки, лица, ноги были такія темныя, словно это были фигуры, вылитыя изъ бронзы. Раскрытыя груди, голыя ножки и ручонки, курчавыя головки, съ черными, какъ смоль, волосами, черные глаза, легкій румянецъ сквозь смуглую кожу,—все это было настолько красиво, что я не сразу могъ отвести отъ нихъ глаза.

Особенно заинтересовалъ меня одинъ мальчикъ съ курчавой головой, въ легкомъ, холщевомъ халатикѣ. Онъ такъ живо что-то тараторилъ по-киргизски, такъ бросался унимать то собакъ, разозлившихся на насъ за тревогу, то бойкихъ своихъ сверстниковъ, бросавшихся подъ нашихъ лошадей, такъ суетился въ толпѣ... И мои глаза невольно какъ-то сами собой слѣдили за его красивымъ, симпатичнымъ личикомъ и бойкими движеніями.

— Какъ тебя зовутъ?— спросилъ я его, когда онъ повернулся мнѣ подъ руку около самаго экипажа.

— Галейко!— чуть слышно отвѣтилъ онъ и тотчасъ же скрылся въ толпѣ, словно стыдѣсь, что отвѣтилъ.

Настъ пригласили въ ближайшую большую юрту. Я съ радостью воспользовался этимъ приглашеніемъ и залѣзъ подъ пріоткрытое кошемное одѣяло, къ которому, чтобы оно не закрывалось, была приставлена березовая длинная палка.

Въ юртѣ стояла пріятная темнота. Свѣтъ врывался только черезъ двери, и въ ней было такъ прохладно, такъ чудесно послѣ ослѣпительныхъ лучей солнца, что я въ тотъ моментъ не промѣнялъ бы ее на лучший дворецъ. Посрединѣ тихонько горѣлъ, пуская синенькій дымокъ кверху, кизякъ, наполняя юрту характернымъ запахомъ своего дыма; по стѣнкамъ юрты висѣли цыновки, стояли ящики, кровать съ бѣлой кошмой, и въ одномъ мѣстѣ висѣла маленькая люлька, въ которой спокойно спалъ маленький, голенькій мальчикъ, свернувшись на козлиной шкуркѣ. Его полное, смуглое тѣлице было такъ красиво, что я невольно залюбовался.

Это замѣтила его мать, молодая киргизка и, улыбнувшись мнѣ, торопливо вышла и принесла въ кувшинѣ кумысъ. вмѣстѣ съ матерью явился въ юрту и бойкій Галейко.

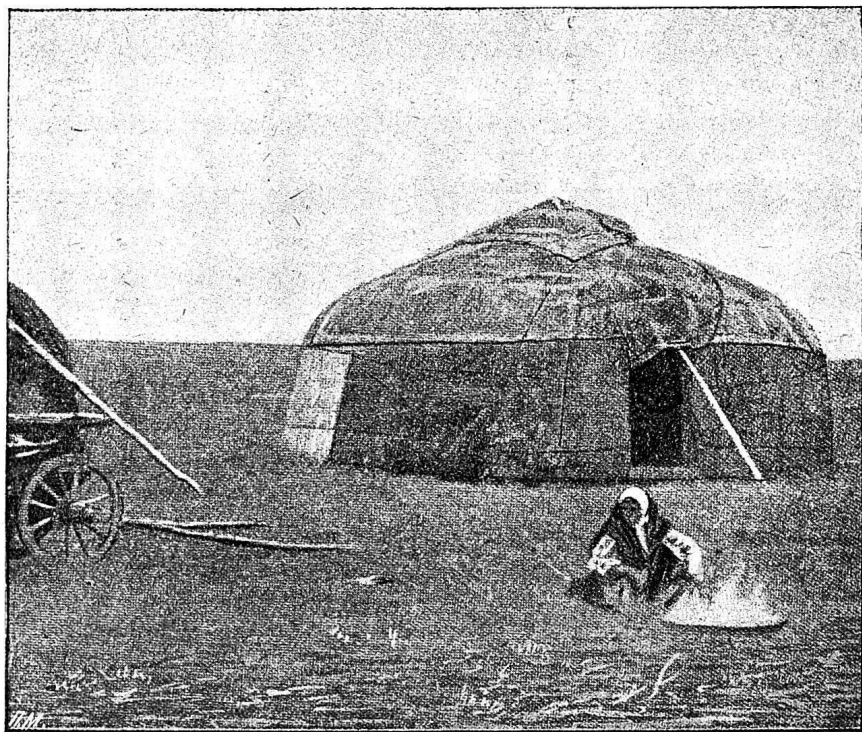
Онъ оказался братомъ этого маленькаго мальчика, что спалъ въ люлькѣ, и былъ, кажется, безконечно доволенъ, тѣмъ, что я попалъ въ его родную юрту и пью кумысъ.

Мнѣ очень хотѣлось поговорить съ Галейко, но онъ не зналъ почти ни слова по-русски, а я—по-киргизски, и мы только обмѣнивались молчаливыми улыбками, уже полюбивъ другъ друга.

Мнѣ захотѣлось снять съ него фотографію, но онъ отнесся слишкомъ недовѣрчиво къ аппарату, хотя ему и доставило большое удовольствіе смотрѣть въ трубу и видѣть тамъ и палатку и мать свою. Но какъ я ни уговаривалъ

его посидѣть спокойно хотя секунду, это не удалось, — мальчикъ не понималъ, чего я добивался, и я рѣшилъ отложить это до перваго удобнаго случая.

Скоро я замѣтилъ, что Галейко собирается куда-то; онъ одѣлся въ полосатый, теплый халатикъ и взялъ бѣлую шапку.

— Куда ты ѣдешь?—спросилъ я по-киргизски.

Онъ что-то пробормоталъ и, махнувъ рукой въ степь, вышелъ изъ юрты, отвязалъ отъ столба лошадь безъ сѣдла, живо взобрался на нее верхомъ, и прежде, чѣмъ я сдѣлалъ

шага три-четыре, онъ уже понесся карьеромъ. Я проводилъ его глазами и пошелъ въ степь.

Жаръ уже спадалъ. Солнце садилось. Степь стала принимать болѣе темный цвѣтъ, и со стороны озера повѣяло прохладой.

Наступалъ чѹдный степной вечеръ.

Когда я отошелъ нѣсколько десятковъ сажень отъ юртъ и оглянулся съ маленькаго пригорка, весь аулъ былъ какъ на ладони. На плоскомъ берегу озера стояли юрты, около нихъ бродилъ скоть... Какой-то всадникъ, подобно Галейко, несся вдаль, на самомъ горизонтѣ степи, на лошаdkѣ, и солнце, красное, громадное солнце готово было погрузиться въ бѣлыя, ровныя волны озера.

Я постоялъ, полюбовался этой картиной и направился къ ближайшему стаду воловъ.

До него была цѣлая верста. Нога скользила по гладкой шелковистой травѣ. Попадавшійся по пути ковыль помахивалъ пушистыми, бѣлыми головками.

Вотъ я и у стада. Галейко тутъ, верхомъ на своемъ Гнѣdkѣ, который послушно стоитъ съ нимъ у самаго стада, настороживъ въ мою сторону уши.

У Галейко, какъ у заправскаго пастуха, тоже есть нагайка и длинный шестъ; на головѣ его—тоже бѣлая кошменная шапка, на плечахъ—тоже полосатый халатъ, и издали кажется, что это кто-то другой, взрослый, а не десяти-или восьмилѣтній мальчикъ: такъ измѣнилъ его новый костюмъ послѣ холщеваго домашняго халата.

Онъ сторожитъ воловъ. Они отдыхаютъ, наѣвшись досыта травы. Я останавливаюсь передъ ними и люблюсь, какъ они отдыхаютъ, лежатъ, стоятъ, даже, повидимому, не обращая вниманія на посторонняго челоvѣка.

Одинъ быкъ ближе ко мнѣ, краснобурой масти, съ толстыми, прямыми, характерными для степного быка, рогами. Дальше лежить полусонный черный быкъ, еще дальше стоитъ пестрый,—

и всѣ они почти одного роста, вѣроятно, одногодки, приготовленные для продажи привезшимъ русскимъ купцамъ. Галейко, видимо, имъ доволенъ: они смиренные, не разбѣгаются. Онъ терпѣливо дожидается, когда они поднимутся съ мѣста, чтобы гнать ихъ поближе къ юртамъ на ночь, такъ какъ въ степи ночами бродятъ волки.

Чѣмъ ниже спускается къ горизонту солнце, тѣмъ степь становится красивѣе. Вотъ она потемнѣла на бугрѣ, вонъ по ней протянулись красныя полосы, вонъ солнце, красное, громадное, отразилось въ водѣ озера, и бѣлыя юрты стали розовыми, какъ и вся степь.

Воздухъ сталъ еще свѣжѣе; трава отдала ему весь скрытый за день ароматъ, а камыши — всю прохладу, и среди нея такъ легко расширяется грудь, и не можешь надышаться этимъ чистымъ, ароматнымъ воздухомъ.

На темноглубомъ небѣ уже зажглись первыя звѣздочки, когда я возвратился въ юрты.

Галейко уже былъ тамъ и игралъ съ товарищами съ пестрымъ, круторогимъ козломъ. Они дразнили его, а онъ за ними бѣгалъ, но каждый разъ, когда онъ становился на дыбы, чтобы ударить ближайшаго шалуна, его дергали сзади за хвостъ, и козелъ съ мявканьемъ бросался за смѣльчакомъ, вызывая въ другихъ неудержимый хохотъ.

Къ ночи аулъ былъ полонъ жизни. Сюда сошлись и скотъ со степи и пастухи. Всюду были разведены веселые костры, всюду варился кумысъ и ужинъ, всюду было движеніе, слышались говоръ и крикъ.

Но этотъ веселый, оживленный вечеръ продолжался недолго: на дальнемъ югѣ ночь наступаетъ не такъ вяло, какъ на нашемъ сѣверѣ, и только что успѣло сѣсть за горизонтъ солнце, наступили сумерки, а ихъ незамѣтно въ четверть часа смѣнила ночь со звѣздами и молодымъ мѣсяцемъ, поднявшимся на западѣ небосклона.

Черезъ полчаса огни уже потухли, и аулъ сталъ затихать.